Дело о недостающем береге

Марк Северин

Марк Северин
Дело о недостающем береге

https://litres.ru/74772162
SelfPub; 2026

Аннотация

Шотландия, 1911 год. В тихом прибрежном городке Кэрнмур старое земельное соглашение неожиданно становится причиной опасного противостояния. Мариан Эллис, профессиональная переписчица документов, обнаруживает, что из официального извлечения исчезла строка, сохраняющая право прохода к берегу.

Когда архивиста Эндрю Белла находят мёртвым, обычная сверка бумаг превращается в расследование, где каждый свидетель что-то недоговаривает, а аккуратно составленные документы скрывают неудобную правду.

Мариан предстоит разобраться в чужих показаниях, восстановить историю подменённого смысла и решить, какую цену она готова заплатить за огласку. Но установить, кто исказил документ, — ещё не значит доказать, кто совершил убийство.

Атмосферный исторический детектив о тайнах маленького города, цене репутации и границе между подозрением и истиной.

Содержание

Глава 1. Неполная строка 5
Глава 2. Два экземпляра 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марк Северин
Дело о недостающем береге

Дело о недостающем береге

Глава 1. Неполная строка

В мастерской Мариан Эллис часы всегда отставали на четыре минуты. Она не исправляла их с той весны, когда обнаружила, что клиент, опоздавший на четверть часа, непременно начинал разговор с обвинения часов. Отставание позволяло не спорить. Теперь, в тусклое осеннее утро, маятник за стеклом отбивал время с такой уверенностью, будто ничего более надёжного в Кэрнмуре не существовало.

На столе сохли два листа, переписанные накануне для торговца углём. Мариан подняла их за края, проверила последнюю строку и только потом открыла дверь. Женщина на пороге была одета безупречно, но не нарядно: тёмное пальто, перчатки, шляпа, из-под которой не выбивалось ни одного волоска. Элеонора Вейл не пришла бы лично из-за простой канцелярской работы, подумала Мариан. Эта мысль была не знанием, а привычкой судить о людях по цене их времени.

— Мне нужна копия для заседания попечительства, — сказала Вейл, не проходя дальше порога. — К полудню завтрашнего дня. Вы сможете?

— Если объём не больше двадцати страниц. И если мне дадут прочесть источник при хорошем свете.

— Семь страниц. Не больше.

Вейл положила на край стола плоскую папку. На обложке стояла канцелярская помета о земельном деле, ниже —

дата, относящаяся к 1907 году. Папка была сухой, без следов недавней дороги. Мариан не стала спрашивать, почему её принесли именно теперь. Деловые люди приносили старые бумаги, когда новые планы требовали старых оправданий.

— Вы хотите простую копию или заверенную? — спросила она.

— Точную. Я полагаюсь на ваше имя.

Вместо ответа Мариан сняла с полки тетрадь заказов. Слово «точную» могло означать две разные вещи. Одни заказчики требовали, чтобы не исчезла ни одна запятая; другие — чтобы результат подтверждал их собственное понимание бумаги. Вторым она обычно отказывала, хотя они платили больше.

— Я воспроизвожу то, что вижу, — сказала Мариан. — Не то, что, по вашему мнению, должно там быть.

— Именно этого я и прошу.

Голос Вейл не стал ни теплее, ни холоднее. Мариан заметила лишь, как та удерживала папку двумя пальцами, пока заказ ещё не был принят, словно предмет сохранял за ней право уйти. Когда Мариан записала имя заказчицы, Вейл отпустила обложку.

— Скажите, — спросила Мариан, — зачем копия, если бумага уже хранится в вашей конторе?

— На заседании будет удобнее читать с отдельного листа. У нас спорят о том, что было решено прежде. Отдельные люди считают, будто старое решение обязано отвечать на каж-

дый новый вопрос.

— А оно не обязано?

— Оно обязано говорить только то, что в нём написано.

Это было разумно. Мариан сама повторяла почти те же слова ученикам, которым иногда поручала разбирать черновики. И всё-таки её задело, что собственное правило прозвучало из чужих уст как приказ.

Вейл назвала срок, оставила задаток и попросила не исправлять сокращений, даже очевидных. Мариан согласилась, но добавила в тетради заказа: «Копия с предъявленного документа, без сверки с подлинным актом». Она сделала это при заказчице. Вейл посмотрела на запись и слегка наклонила голову.

— Вы предусмотрительны, мисс Эллис.

— Я всего лишь не желаю отвечать за бумаги, которых не видела.

Когда дверь закрылась, Мариан осталась стоять возле стола. На улице кто-то вёл тележку по неровным камням; колёса ударяли в выбоины через одинаковые промежутки. Она пододвинула папку к окну. На обложке не было ничего угрожающего. Обыкновенная бумага, обыкновенный заказ, семь страниц. Но прежде чем раскрыть её, Мариан проверила, не оставила ли Вейл в тетради случайно слишком щедрую сумму. Задаток был ровно тем, о котором они условились.

Эта точность успокоила её больше, чем следовало.

Работа шла медленнее, чем обещали семь страниц. До-

кумент был написан аккуратной канцелярской рукой, но строки теснились, а названия участков повторялись с такими небольшими различиями, что Мариан приходилось возвращаться к каждому из них дважды. Она поставила рядом пустой лист для сомнительных чтений и запретила себе исправлять язык источника. В словах, которые писец счёл несущественными, иногда скрывалось всё значение дела.

К полудню свет сделался белым и плоским. Мариан отодвинула чернильницу, чтобы не заслонять последние строки, и увидела, что перечисление границ заканчивается там, где она ожидала продолжения. После описания участка следовало обычное заключение. Ни одной отдельной оговорки о проходе.

Она провела пальцем вдоль края бумаги, не касаясь букв. Ничего не было вырезано из этого листа; строка не обрывалась на середине слова. Документ просто не сообщал того, о чём, как она слышала на рынке, спорили жители нижней улицы. Мариан знала лишь пересказы. Один из заказчиков уверял, что между складами когда-то можно было пройти с ручной тележкой; другой говорил, что люди всегда пользовались дорогой лишь с разрешения владельцев. Ни тот, ни другой не показывал ей договора.

Мариан перечитала абзац. Описание участка не запрещало прохода прямо. Но и не подтверждало его. Отсутствие фразы было фактом данного листа, не доказательством того, что фразы никогда не существовало. Мариан отметила это

на черновом поле, потом перечеркнула написанное: черновик был её собственным рассуждением, а не частью копии.

К двери постучала молодая помощница, принёсшая связку чистой бумаги от переплётчика. Мариан попросила её подержать страницу против света.

— Видите здесь следы стирания? — спросила она.

— Здесь? — Девушка повернула лист. — Нет. Только бумага тоньше у сгиба.

— Не ищите то, о чём я не спрашивала. Скажите, что видите.

Помощница покраснела, хотя Мариан не собиралась её упрекать.

— Я вижу целый лист. И сгиб. Больше ничего.

— Этого достаточно. Спасибо.

Оставшись одна, Мариан подумала, что поступила жестоко. Она сама только что искала на бумаге отсутствие, как если бы отсутствие можно было рассмотреть на просвет. Писец мог получить для переписки сокращённый текст; кто-то мог составить выписку для определённой цели. Даже аккуратная подпись под документом не делала его полным изложением всего, что когда-либо решали стороны. Но в предъявленных страницах не было основания восстановить недостающие слова. Выдумать их означало бы совершить ошибку, против которой её наняли.

На полке лежал старый справочник по письмоводству. Мариан открыла его не для того, чтобы найти ответ на зе-

мельный вопрос, а чтобы вспомнить собственную дисциплину: копиист не судья, не поверенный и не хранитель чужой памяти. Он отвечает за буквы, которые может проверить. Она знала, что справочник не мог разрешить спор о юридической силе бумаги, и не искала там такого разрешения.

После обеда из конторы попечительства прислали мальчика узнать, будет ли работа готова вовремя. Он стоял у порога, разглядывая пресс для бумаги, и не скрывал любопытства.

— Мисс Вейл сказала, чтобы вы ничего не пропустили, — передал он.

— Передайте мисс Вейл, что я не пропущу ни одной буквы из того, что мне дали.

Мальчик кивнул. Мариан остановила его прежде, чем он ушёл.

— И ещё. Кто будет читать копию?

— Господа на собрании. Так мне сказали.

— Кто именно сказал?

— Мисс Вейл, мэм.

Он не мог знать больше. Мариан отпустила его и вернулась к столу. Слова «господа на собрании» вдруг придали семи страницам вес, которого у них не было утром. Она представила комнату, где люди с хорошей памятью на суммы и плохой — на оговорки будут слушать прочитанный текст, а затем повторять: «В копии Эллис этого нет».

Она могла написать заказчице письмо с вопросом, суще-

ствуют ли другие экземпляры. Это не нарушило бы заказа. Но письмо означало бы задержку, а Вейл просила точность, не исследование. Кроме того, Мариан не имела права требовать доступ к чужому архиву только потому, что ей не понравилось молчание одного листа.

Она выбрала третий путь. На отдельном сопроводительном листе, не внутри текста, она указала: «Переписано дословно с семи страниц, предоставленных конторой попечительства; полнота исходного дела не удостоверяется». Затем перечитала формулировку. В ней не было обвинения и не было оправдания. Только граница того, что она знала.

Это показалось ей достаточным. Теперь она понимала, что достаточность — тоже разновидность удобства, но пока не находила причины ей не доверять.

На следующий день Вейл пришла до назначенного часа. В мастерской пахло подсохшими чернилами и тёплым клеем: переплётчик, заходивший утром, оставил на столе образец новой обложки. Мариан разложила семь переписанных страниц в порядке источника, приложила сопроводительный лист и положила рядом папку, которую получила накануне.

— Здесь ваша копия, — сказала она. — Сверена построчно. Я оставила все сокращения и не стала приводить названия участков к единому написанию.

Вейл перевернула первую страницу, потом последнюю. На сопроводительном листе её взгляд задержался дольше.

— «Полнота исходного дела не удостоверяется», — про-

чла она. — Вы всегда так пишете?

— Когда мне не показывают всё дело — да.

— Я предоставила вам именно тот документ, который нужен для заседания.

— Я этого не оспариваю. Но не могу сказать, что видела другие бумаги, если не видела их.

Вейл поправила перчатку. Движение было маленьким и вполне естественным. Мариан не могла бы по нему угадать ни раздражения, ни согласия.

— Разумеется, — сказала Вейл. — Никто и не требует от вас невозможного.

Она оплатила остаток, пересчитала страницы и попросила выдать расписку. Мариан вписала в неё точное описание заказа: семь страниц копии, один лист с указанием источника. Вейл расписалась за получение, не предложив никаких изменений.

— Вы не хотите узнать, почему вокруг этой бумаги столько разговоров? — спросила она уже у двери.

— Я слышала разговоры. Не знаю, какие из них верны.

— Это редкое достоинство для нашего города.

— Скорее недостаток времени. Если слушать каждого, не останется часов для работы.

Вейл улыбнулась, но улыбка исчезла прежде, чем Мариан смогла понять, была ли она настоящей. Когда заказчица вышла, в мастерской стало тихо. Мариан закрыла тетрадь, отметила полученную сумму и взялась за следующую работу.

У неё не было оснований считать вчерашнюю бумагу началом чего-то большего.

Основание появилось к вечеру, когда в мастерскую заглянул Томас Рид. Он принёс образец печатной афиши и хотел, чтобы Мариан проверила в ней имена жертвователей. Его пальцы были запачканы краской; он держал лист за угол так осторожно, будто боялся оставить на нём ещё один след.

— Вы сегодня, кажется, стали знаменитостью, мисс Эллис, — сказал он, когда они исправили вторую фамилию.

— В таком случае известность опередила мои заработки.

— В конторе уже говорят о вашем переписанном документе. Один господин сказал, что раз у Эллис нет строки о проходе, значит, никакого прохода и не было.

Мариан медленно положила карандаш. Рид не назвал говорившего, а она не собиралась строить выводы на чужом пересказе. Но сама фраза была слишком близка к опасению, которое возникло у неё вчера.

— Вы это слышали сами?

— Слышал, как повторяли в типографии. Человек пришёл заказать объявление и спорил с наборщиком. Я не присутствовал в конторе.

— Значит, вы знаете только, что сказали в типографии.

— Верно. И что вы, вероятно, рассердитесь.

— Не на вас.

Рид ждал продолжения. Мариан достала тетрадь заказов и показала ему не сам документ, которого у неё больше не

было, а собственную запись о пределах работы. Она прикрыла ладонью сумму: заказчик имел право на эту часть их отношений.

— Вот что я сделала, — сказала она. — Переписала предъявленные страницы. Я не проверяла, существовал ли другой текст. Если кто-нибудь утверждает обратное, он говорит не моими словами.

Рид прочёл помету, не пытаясь заглянуть под ладонь.

— Вы можете потребовать, чтобы вас правильно цитировали?

— Потребовать могу. Но прежде мне нужно услышать, что именно было сказано и кем.

— Завтра будет собрание. Там наверняка повторят.

— Наверняка — слишком сильное слово.

— Тогда, возможно, повторят, — исправился он и усмехнулся.

Когда Рид ушёл, Мариан ещё некоторое время смотрела на пустое место, где лежала папка Вейл. Она всегда считала, что добросовестность заключается в точности руки. Теперь выяснялось: точная рука могла послужить чужой неточной фразе. Она не знала, сделал ли кто-нибудь это намеренно. И не знала, был ли спор о проходе правомерным. Но знала, что её имя уже употребили как свидетельство о том, чего она не исследовала.

Мариан взяла чистый лист и написала короткое обращение в контору: просьбу при публичном упоминании ко-

пии оглашать и сопроводительную оговорку. Она перечитала письмо дважды. В нём не было угрозы, только требование назвать пределы её работы. Затем отложила его, чтобы утром отнести лично: почта доставила бы письмо позже, чем начиналось заседание.

На улице звякнуло железо о железо. Мариан подняла голову, прислушалась и снова склонилась над столом. Город продолжал заниматься своими делами. Только теперь она знала, что завтра ей придётся присутствовать при чужом чтении собственных строк.

Она поставила под письмом подпись — не для того, чтобы подтвердить истину старого договора, а чтобы не позволить чужому молчанию стать её показанием.

Глава 2. Два экземпляра

В день собрания Мариан проснулась раньше, чем зазвонил колокол над рыночной площадью. На подоконнике лежало письмо, написанное накануне: просьба к попечительству оглашать её оговорку вместе с переписанным текстом. Чернила высохли ровно; тревога, ради которой она брала перо, не высохла вовсе.

Она перечитала письмо стоя. Слова «предоставленных мне страниц» казались безупречными, пока не представляешь человека, который намеренно пропускает их и зачитывает только «сверено построчно». Нельзя было поручиться, что так поступят. Но Рид слышал именно такую формулу в типографии, а из мастерской Мариан ушла бумага, способная её поддержать. Отказаться от ответственности на том основании, что чужие люди говорят неточно, было бы удобнее всего.

На площади ветер поворачивал объявления на доске у почты. Одно сообщало о собрании по поводу береговой полосы и будущих работ у причала. Другое, более старое, просило не загромождать проезд у склада. Мариан остановилась у второго: кто-то провёл по слову «проезд» ногтем, оставив на бумаге светлую царапину. Никакого доказательства эта царапина не составляла. Зато она напомнила, что в споре о земле люди обычно представляют не параграф, а привычную доро-

гу под собственными ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.